

ANNA PALUCH
Uniwersytet Jagielloński

ОНОМАСТИКОН ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОГО
ПОСТМОДЕРНИЗМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
НЕПЕРЕВОДИМОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
ВЛАДИМИРА СОРОКИНА *ДЕНЬ ОПРИЧНИКА*)

Почти в каждом литературном произведении, в какую эпоху оно бы ни было написано, действуют персонажи, наделенные собственными именами, выбор которых, конечно же, не является случайным. Независимо от того является ли герой второстепенным или главным, его именование предопределяется разными обстоятельствами и факторами, оставаясь при этом чем-то обусловленным и функционально нагруженным. В отдельных случаях, по авторскому замыслу, имя несет в себе сжатую порцию информации о персонаже. Наличие этой краткой характеристики переводит имя из разряда простых апеллятивов, выполняющих только номинативную функцию, в число «говорящих» имен — не только называющих, но и представляющих суть героя. Именно с этой категории имен собственных (далее ИС), по образному выражению Дмитрия Ермоловича, начинаются «подводные камни» для переводчиков, сталкивающихся с необходимостью передачи «значащих» имен, фамилий и прозвищ на другой язык¹. С этой проблемой специалистам приходилось иметь дело на протяжении нескольких столетий, пока решения лучших не воплотились в достаточно стройную и несложную теорию — систему правил переводческой трактовки «говорящих» ИС.

¹ Д.И. Ермолович, *Имена собственные на стыке языков и культур. Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода*, Р. Валент, Москва 2001, с. 3.

Однако успокаиваться на лаврах было рано. Новый вызов переводчикам бросила постмодернистская литература, как известно, насыщенная многослойными по вызываемым ассоциациям именами. Интерпретация постмодернистского ономастикона не является простой даже для читателя, на которого рассчитано произведение, а что говорить о зарубежном реципиенте, которому переводчик обязан донести содержание, осложненное нюансами и подтекстами, ему, читателю-нострянцу, заведомо неизвестными.

Наглядные примеры такого смыслового и ассоциативного синкретизма имен собственных, пропитанного к тому же национальным колоритом, можем найти в повести Владимира Сорокина *День опричника*². Как известно, автор поместил действие своего произведения в 2027 году, однако его герои вовсе не представляют мир будущего — они очень часто списаны с исторических лиц и одновременно (на что показывают очевидные авторские намеки) несут в себе черты действующих представителей российской политической элиты.

Русское государство в недалеком будущем Сорокин показывает как времена опричнины со старой — соотносимой с эпохой Ивана Грозного — иерархией правления. Во главе всего стоит государь, опору ему составляют опричники и члены так называемого Внутреннего круга, а также служащие государственных учреждений, к которым тогда относились приказы и палаты. Все они, вместе взятые, борются не только с внешней угрозой, но и искореняют российскую скверну, причем в числе злейших врагов государства оказываются представители прежней знати. Вслед за Сорокиным покажем эту иерархию в лицах.

Образ Государя (а зовут его — как узнаем из второй части диалогии Сорокина³ — Василий Николаевич) несет в себе черты правителей из династии Романовых. Видимо, не случайно помимо Василия Николаевича в анализируемой повести упо-

² *День опричника* — повесть, написанная Владимиром Сорокиным в 2006 году. Многими литературными критиками книга рассматривается как антиутопийное произведение и политическая сатира на время правления Владимира Путина. Далее все цитаты из произведения приводятся по изданию: В. Сорокин, *День опричника*, Захаров, Москва 2008.

³ Таковой можно считать *Сахарный Кремль* (2008) — сборник 15 рассказов, написанный в том же духе, что и *День опричника*. Единство места и времени действия, а также сюжетные линии, связывающие рассказы и повесть, позволяют объединить произведения в диалогию.

минаются Николай Платонович и Александр Николаевич — соответственно отец и брат Государя. Повторяющийся компонент именованья непременно выводит читателя на едва ли не самых известных царей из династии Романовых — Николая I и Николая II. Описанная Сорокиным внешность Государя — с «[...] узким лицом с темно-русой бородкой [...]» — склоняет к догадке, что за литературным образом кроется последний российский император. Однако это только одна из провоцируемых автором ассоциаций.

Имя Государя — Василий — также является достаточно заметным в русской истории. Его носителями были великие московские князья и один из царей — Василий Шуйский. А первым Василием среди русских правителей стал креститель Руси Владимир I Святославич, принявший во время крещения это имя в честь правящего византийского императора Василия II, согласно практике политических крещений того времени.

Вместе с тем обыгранная в повести характеристика внешней политики Государя, который «[...] сумел [...] сплотить под крылом своим могучим все народы российские [...]» совершенно определенно намекает на заслуги разных русских правителей. Здесь следует упомянуть хотя бы Ивана III, при котором произошло объединение значительной части земель вокруг Москвы, или его сына — Василия III, продолжившего политику отца.

Выявление уже этих подтекстов позволяет утверждать, что образ Государя построен Сорокиным как собирательный, соединяющий в себе распознаваемые черты целого ряда российских правителей.

Вместе с тем учет современного контекста повести вызывает ассоциативную связь образа Василия Николаича с нынешним президентом России — Владимиром Путиным. На это лишний раз намекают очевидные для россиян «подробности»: серо-голубой цвет глаз; манера говорить, не повышая голоса; ссылка на практику одаривать спортсменов дорогостоящими подарками. А внимательный читатель, может быть, сумеет соединить представленные выше факты истории с современностью и с удовлетворением заключит, что «раскусил» хитрую уловку автора, не зря наделившего героя именем Василий, за которым на самом деле стоит Владимир.

Николай Платонович — покойный отец Государя. Учитывая общую направленность повести на соотнесение персона-

жей с представителями современной России, снова получаем для расшифровки многогранный образ, в котором можно усмотреть аллюзии на известных людей. При обращении в историю читательские ассоциации, как уже говорилось, связывают Николая Платоновича с двумя представителями династии Романовых.

С опорой на современный контекст на основании сходств в имени и отчестве (последнее, кстати, является относительно редким в российской практике⁴), можно полагать, что это именование заставит вспомнить российского читателя бывшего многолетнего директора ФСБ — Николая Платоновича Патрушева⁵. Он был, правда, не предшественником, а преемником Путина на этой должности⁶, но сама по себе принадлежность Патрушева к службе КГБ, открывает любопытную возможность интерпретации этого мотива романа. Соотнесение образов царя-сына Василия Николаевича (несущего в себе черты Путина) и царя-отца Николая Платоновича (за которым кроется ассоциирующийся с КГБ Патрушев), указывает на ту силу, которая в свое время могла привести нынешнего президента России к верховной власти.

Александр Николаевич — брат Государя, о котором в тексте упоминается только раз. Хотя имя и отчество этого персонажа, казалось бы, прямо указывают на русского императора Александра II Николаевича, никаких поводов для установления между ними параллелей читатель не получает. В повести под власть Александру Николаевичу отдан Таможенный Приказ, об этом узнаем из реплики одного из героев — Комяги: «[...] с таможенниками у нас опричных *старая* война. А все потому, что таможенные под братом Государевым ходят». Учреждение это можно соотнести с нынешней Федеральной таможенной службой России (ФТС). Упомянутое Комягой соперничество, вероятно, является намеком на скандал вокруг китайской контрабанды, разразившийся в 2005 году. Наявь тогда вышли многочисленные злоупотребления и коррумпированность высокопоставленных лиц ФТС, борющихся за контроль над таможенной

⁴ Достаточно просмотреть исторические источники, чтобы убедиться в том, что этот патроним в отношении к русским правителям не использовался.

⁵ Ниже мы будем говорить о возможности более вероятной — персональной — «привязки» Патрушева к образу другого героя — Терентия Бутурлина, исполняющего по тексту сходные государственные функции.

⁶ Николай Платонович Патрушев занял пост директора ФСБ 9 августа 1999 года после освобождения этой должности Путиным, который стал премьер-министром страны.

и нечестными потоками денег, наплывающими в страну вследствие контрабанды — госказна понесла тогда значительные финансовые потери.

Однако подобная интерпретация литературного текста никоим образом не делает имя брата Государя значимым, таким, за которым скрывается современный прототип. Скорее Сорокин отобразил обычную для царей практику наделения младших братьев ответственными должностями⁷.

Даже если отдельные из представленных интерпретаций трактовать как отчасти надуманные, все равно в целом можно говорить о присутствии в произведении многослойного ономастического материала, вызывающего букет разнообразных ассоциаций, во многом или даже в основном доступных лишь прямому адресату — российскому, но не иностранному читателю.

К следующей группе высокопоставленных персонажей относятся представители Внутреннего круга. Можно догадываться, что в него входят лишь приближенные к Государю или Государыне люди. Все они носят высшие дворянские титулы.

Княгиня Волкова — фрейлина, одна из тех, кто составляет компанию Государыне во время завтрака. Фамилия княгини вызывает ассоциации с дворянскими родами Волковых, многочисленные потомки которых активно действовали прежде всего на поприще науки и культуры. Среди самых выдающихся представителей рода были писатели (Егор Егорович), живописцы (Ефим Ефимович), ученые (Михаил Гаврилович), экономисты (Матвей Степанович)⁸. Едва ли не наиболее известным Волковым считается основатель русского театра — Федор Григорьевич, носивший звание первого придворного актера⁹.

⁷ В истории можно проследить эту практику на примере Константина Павловича, который после воцарения Александра I стал наследником престола. Когда решением Венского конгресса было образовано Царство Польское, император Александр доверил брату командование польскими армиями, а в 1826 году назначил его своим наместником в Польше. Ответственные должности были также поручены Константину Николаевичу — брату Александра II. В 1853 г. император отдал ему в управление морское министерство. С 1865 г. великий князь Константин Николаевич был назначен председателем Государственного Совета — см.: А.А. Половцов (ред.), *Русский биографический словарь*, т. 9, Типография Главного Управления Уделов, Санкт-Петербург 1903, с. 120–211.

⁸ См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. 7, Типолиотография И.А. Ефрона, Санкт-Петербург 1892, с. 36–38.

⁹ См.: там же.

В повести этой фамилией наделена женщина, прототип которой обнаружить трудно. Если он существовал, то следовало бы вспомнить о Марии Аполлоновне Волковой, фрейлине императрицы Марии Федоровны (жены Павла I). Эта Волкова осталась в истории благодаря адресованным Варваре Ланской письмам, являющимся ценным источником сведений о жизни московской аристократии¹⁰. Вместе с тем, с учетом способа представления героини (конкретности в описании иерархического положения и «функций», соседства с другим симметрично показанным персонажем — графиней Борисовой) отнюдь не исключается возможность того, что, упоминая о княгине, Сорокин имел в виду неразгаданную нами персону из современности.

Князь Собакин носит фамилию представителей старейших московских дворянских родов¹¹. Приближение Собакиных к двору и повышение их в должностях наступило при Иване Грозном, который в 1571 году женился на Марфе Собакиной — дочери Василия Степановича среднего. Таким образом, Марфа стала третьей женой царя. Можно полагать, что исторический контекст этой фамилии не останется российским читателем незамеченным.

Иную возможность открывает трактовка фамилии как «говорящей». Рискнем предложить здесь следующую параллель. Князь Собакин выступает в составе государственной комиссии, осуществляющей просмотр программы главного праздничного концерта. Функции персонажа — главного цензора, диктующего, что хорошо, а что плохо в искусстве, а также некоторые детали внешности и семейного окружения — осанистый, с пышными усами, «[...] внуков малых много [...]» способны вызвать у читателя смутную догадку, что образ князя Собакина несет в себе что-то от Никиты Михалкова, самого известного и чтимого властями режиссера и сценариста, председателя правления Российского фонда культуры, председателя Союза кинематографистов и проч., проч.

С князем Собакиным читатели могут ассоциативно связывать Михалкова также из-за его роли в телевизионном сериале *Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона: Собака Баскервилей*. Никита Сергеевич играл там сэра Гарри Баскервиля.

Граф Ухов — фамилия персонажа по своей форме воспроизводит старую российскую традицию неполного, усеченного име-

¹⁰ См.: там же, с. 35–36.

¹¹ См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. 33А..., с. 636.

нования незаконнорожденных детей аристократов. Именно по такой схеме возникли фамилии Ронцовы/Ранцовы (внебрачные дети графа Романа Илларионовича Воронцова), Пниных (Иван Петрович Пнин — незаконный сын князя Николая Васильевича Репнина) или Бецких (Иван Иванович Бецкой — внебрачный потомок князя Ивана Юрьевича Трубецкого). Вполне возможно, что этой «моделью» воспользовался также Александр Пушкин, нарекая одного из героев своей знаменитой поэмы *Евгения Онегина* фамилией Ленский, которая скорее всего произошла от фамильного именованья княжеского рода Оболенских¹². Персонажа Сорокина трудно соотнести с каким-нибудь отпрыском именитой российской аристократии — источники не фиксируют дворянского рода с такой фамилией. Сорокинский Ухов у читателя может вызвать ассоциации разве что с Пьером Безуховым — внебрачным сыном графа Кирилла Владимировича, героем романа *Война и мир* Льва Толстого.

В повести граф Ухов верховодит «Союзом российских добрых молодцев во имя добра». Прототипом «Союза добромольцев» (по тексту это «[...] молодые, горячие, правильные [...] ребята»), несомненно, являются современные молодежные движения, которые начали появляться с приходом Путина к власти, а конкретнее, российская межрегиональная организация «Идущие вместе», существовавшая с 2000 по 2007 гг. и потом переродившаяся в Антифашистское молодежное движение «Наши».

Сам Сорокин в свое время подвергся травле со стороны активистов движения. В ходе ряда акций, проведенных «Идущими вместе», уничтожались и осквернялись книги писателя, обвиняемого в распространении порнографии¹³. История получила широкую огласку, поэтому читатель без труда «расшифровал» эпизод из книги, в котором добромольцы «тушат» звезду — баяна Артамошу, разоблачающего развратные прихоти Государыни. «Добрые молодцы» мешают баяну выступать криками, а затем бросают в него помидоры.

Трудно однозначно настаивать на мнении, что в своей повести Сорокин стремится осмешить пропутинские молодежные

¹² См.: Г.Ф. Ковалев, *Бастардада в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»*, // его же, *Избранное. Литературная ономастика*, ООО «Издательство Научная Книга», Воронеж 2014, с. 71-72.

¹³ См.: Ю. Таратута, *Владимир Сорокин обанкротил «Идущих вместе»*, «Коммерсантъ», № 56 от 30.03.2004, с. 7.

организации и их лидера, каковым являлся Василий Якеменко¹⁴. Однако с учетом очевидного конфликта очень велика вероятность того, что воспроизведение писателем в незавидном ракурсе и незаконнорожденного графа Ухова, и его «Союза российских добрых молодцев» — это ловко завуалированный ответ противникам.

Очередную группу персонажей составляют представители приказов и палат. В их числе, как правило, значатся герои с дворянскими и княжескими фамилиями, знакомыми российскому читателю уже по урокам истории.

Князь Терентий Богданович Бутурлин — Начальник Тайного Приказа — носит в повести фамилию представителей знатного российского рода. Особое значение Бутурлины приобрели при царе Иване Васильевиче — они становились воеводами, им жаловались боярские чины¹⁵. Особо высокие должности потомки Бутурлиных занимали при трех первых царях из династии Романовых — бывали доверенными лицами государей, как, например, Иван Иванович Бутурлин¹⁶ или граф Александр Борисович Бутурлин¹⁷.

С персонажем читатель знакомится по случаю расследования дела графа Урусова, которое проходит у начальника Тайного Приказа на Лубянской площади. Читатель непременно соотнесет Лубянку со штаб-квартирой КГБ (а ныне ФСБ). Эта догадка станет отправным пунктом для предположения, что под начальником Тайного Приказа кроется бывший директор грозной службы — Николай Платонович Патрушев. Портретная характеристика, данная герою в тексте — «[...] грозное лицо, [...], очи карие, [...], лысоватая голова», вполне соответствует внешности Патрушева. Нацеленность деятельности ФСБ похожа на задачи, выполняемые сотрудниками Приказа, которым доводится «[...] заговоры раскрывать, шпионов-предателей излавливать, кра-

¹⁴ Василий Якеменко — российский общественный и государственный деятель. В 2000 году работал в Администрации Президента РФ на посту начальника отдела по связям с молодежными организациями, тогда же организовал и возглавил пропрезидентское молодежное движение «Идущие вместе». С 2005 г. являлся федеральным комиссаром движения «Наши».

¹⁵ См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. 5..., с. 92.

¹⁶ Сподвижник Петра I, сопутствовал императору во время его поездки в Финляндию и Голландию (см.: там же, с. 91).

¹⁷ Генерал, пользовавшийся особым доверием Петра I. Император поручал ему выполнение секретных дел (см.: там же, с. 89–90).

молу изводить». Вдобавок в повести упоминается, что князь Бутурлин — это «[...] близкий друг государев [...]», а, как известно, Патрушев своим продвижением по службе обязан президенту Путину и уже много лет является его доверенным лицом.

Захаров — этой фамилией наделен в повести председатель Счетной палаты. Само по себе именование ничего не скажет читателю, вряд ли он вспомнит кого-нибудь из известных представителей Захаровых, хотя среди них значились живописцы и профессора¹⁸. Впрочем, нужды искать исторические параллели читателю здесь не нужно. В повести Захаров появляется в качестве гостя на трапезе у Бати. Сорокин характеризует его одним эпитетом — «круглолицый», и этого оказывается достаточно, чтобы соотнести скудное описание внешности и занимаемую им должность с Сергеем Степашиным — многолетним председателем Счетной Палаты РФ¹⁹.

Антропонимикон знати в повести Сорокина в основном создается с опорой на обращение к фамилиям и именам, известным по истории России. Читательские догадки во многих случаях подтверждаются авторскими ссылками на стереотипные черты, факты из биографии, характеристики влиятельных или правящих лиц. Имена и фамилии персонажей группы «знати» говорящи лишь в той степени, что несут в себе отчетливый исторический колорит, вызывая ассоциации со славными династиями и родами. Прочие — функциональные, поведенческие, внешностные — характеристики героев, накладываясь на эту ассоциативно связанную с прошлым России основу, делают образы очень объемными — в них переплетается история с современностью. При этом знаки сегодняшнего дня в отношении тех же самых хронологически отдаленных персонажей просматриваются в завуалированных аллюзиях на деятелей политики и культуры новой России.

Степень расшифровки имен героев повести, таким образом, находится в прямой зависимости от исторической осведомленности читателей, а также их умения соединять имеющиеся знания с нюансами современной политической и культурной жизни страны. И если не каждый россиянин в состоянии рас-

¹⁸ См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, т. 12, Типолиитография И.А. Ефрона, Санкт-Петербург 1894, с. 337.

¹⁹ Сергей Вадимович Степашин занимал должность председателя Счетной Палаты РФ с 2000 по 2013 г.

смотреть стоящие за антропонимами подтексты, то еще меньше перспектив адекватного — полноценного — восприятия ономастического материала Сорокина имеет зарубежный читатель, заведомо менее посвященный в нюансы истории и современных реалий России.

Польский перевод повести, выполненный Агнешкой Пиотровской, хотя и получил положительные отзывы, лишней раз доказал, что антропонимы в постмодернистском тексте могут являть собой наглядный пример «непереводимого в переводе». Для передачи имен собственных переводчица в большинстве случаев использовала прием транскрипции²⁰, что позволило точно воссоздать их формально. Отчасти поляками будет распознан также «дворянский» характер названий, но только в тех случаях, когда антропонимы сопровождаются титульным пояснением «граф» или «князь». Польский читатель, однако, не сможет соотнести эти номинации с видными представителями аристократических российских родов. Большинство подтекстов останется для зарубежного читателя нераскрыто также из-за незнания определенных нюансов русской истории.

Группе антропонимов, представляющих в повести аристократическую дворянскую среду, противопоставлены именованья опричников. Подбирая имена для членов этого «братства», автор в большинстве случаев опирался на сложившуюся в древние века традицию некалендарного именованья, причем большая часть имен персонажей на самом деле когда-то существовала, они фиксировались в старых текстах, остальные же созданы Сорокиным по бытовавшим прежде моделям как именные неологизмы²¹. Приведем свои наблюдения над именами нескольких таких героев:

В а р е н ы й. Личное собственное имя «Вареной» документировано в XVI–XVII вв. в Новгороде и Устюге (Тупиков²²). Номинация могла быть построена на одном из диалектных значений

²⁰ Вот имена упомянутых персонажей в польском переводе: Wasilij Nikolaicz, Nikolaј Płatonowicz, Aleksander Nikolaјewicz, księżna Wołkowa, książe Sobakin, hrabia Uchow, Zacharow, książe Terentij Bogdanowicz Buturlin.

²¹ Таковыми, например, являются Балдохай, Зверог, Сиволай. Хотя эти имена и не значатся в старых источниках, и, скорее всего, являются выдумкой автора, они хорошо вписываются в предложенную Сорокиным схему опричного имятворчества.

²² См.: Н.М. Тупиков, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Русский путь, Москва 2004, с. 80 (далее: «Тупиков», с указанием страницы).

слова «вареный» — «неловкий в движениях, неповоротливый человек» (Ганжина²³). Говоря о генезисе этой разновидности антропонимов, Борис Унбегаун замечает, что «[...] в украинской ономастике, более архаичной, чем русская, фамилии от прилагательных [в основу которых и лег рассматриваемый тип прозвищных имен — А.П.] большей частью сохранили первоначальную форму именительного падежа [...]», поэтому «[...] можно утверждать, что большинство русских фамилий, выступающих в форме именительного падежа прилагательного, украинского или белорусского происхождения»²⁴. Впрочем, ко времени воссоздаваемой в повести эпохи опричнины представленная модель онимизации была уже очень распространенной на территориях Московии. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из текстов XVI–XVII вв.: Бородатый, Волосатой, Гладкой, Грязной, Дорогой, Жареной, Зубатый, Зяблой, Короткой, Кривой, Могучий, Плохой, Прыткой, Резвой, Смирной, Сухой, Тонкой²⁵.

Игла. Судя по многочисленным фиксациям в текстах XVI–XVII вв., антропоним «Игла» был довольно распространен на русских землях²⁶. Владимиром Далем приводится ряд переносных значений апеллиатива: «*Острый, бойкий человек, пролаз, пройдоха; | подшивала, пересмешник»²⁷. Каждое из них могло лечь в основу личного именованя. Ирина Кюршунова, кроме того, подчеркивает охранную функцию имени²⁸.

²³ См.: И.М. Ганжина, *Словарь современных русских фамилий*, АСТ, Астрель, Москва 2001, с. 95.

²⁴ Б.О. Унбегаун, *Русские фамилии*, Издательская группа «Прогресс» «Универс», Москва 1995, с. 137.

²⁵ Выбор варианта окончания в прилагательном, как известно, зависит от ударения: -ый имеет место в безударной позиции после твердого согласного, под ударением фиксируется -ой; после мягкого согласного следует -ий, всегда безударное, а после *г, к, х, ж, ш* — -ий (в безударной позиции) и -ой (под ударением). Вместе с тем, еще Б.О. Унбегаун замечал, что в ряде антропонимов «[...] ударение сместилось на последний слог, благодаря чему они стали отличаться от соответствующих прилагательных. [...] Не исключено, что в ряде случаев эти фамилии [возьмемся добавить от себя: равно как и производящие их имена — А.П.] отражают устарелое или диалектное ударение» (Б.О. Унбегаун, *Русские фамилии...*, с. 28).

²⁶ См.: И.А. Кюршунова, *Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.*, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 2010, с. 194.

²⁷ См.: В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. II, Русский язык, Москва 1981, с. 6 (далее: «Даль», с указанием страницы).

²⁸ И.А. Кюршунова, *Словарь некалендарных личных имен...*, с. 194.

Мосол. Это имя, зарегистрированное Тупиковым в документах XVI–XVII вв. (Тупиков, с. 257), мог изначально получить человек мосластый, то есть костистый, ширококостный; а, может, напротив, владелец прозвища был худосочным и костлявым (ср.: «‘мосол’ м. толстая, большая кость, костища» — Даль IIб с. 349). Прозвище также могло указывать на род занятий самого носителя или его предка: в ярославских говорах «мослом» называли холщевого прасола, перекупщика холста (Даль II, с. 349).

Посоха. Николай Тупиков фиксирует это некалендарное имя в текстах XVI в. (Тупиков, с. 318). Приводимое Далем значение — «‘посоха’ ж. новг.-тих. ватага бурлаков, рабочих, на привале или ночлеге в деревне, по избам» (Даль III, с. 339) — позволяет отнести производное ИС к именованию по профессии. Аналогичная модель имятворчества прослеживается при соотнесении антропонима с историческим термином «посоха» — «повинность тяглового населения в России XVI–XVII вв., поставка посошных людей», в этом случае основатель рода был бы сборщиком дорожного налога. А вот связь **Посохи** с «посохом» — «палкой, помогающей при ходьбе» (что мотивировало бы прозвище долговязого, худого человека), представляется менее правдоподобной.

Охлоп. Николай Тупиков в своем *Словаре...* ссылается на упоминание этого имени в текстах XV века, а вариант «Охлопок» регистрируют документы следующего столетия (Тупиков, с. 294). В русских говорах «‘охлопок’ м. клок пакли, пеньки и льну, вычески; негодный для пряжи остаток мочки, кудели [...]» (Даль II, с. 631), а в переносном смысле так могли назвать последыша, последнего в семье ребенка²⁹.

Балдохай. Отсутствие фиксации этого имени собственного и мотивирующего его апеллиатива в доступных нам источниках, равно как непроясненная этимология, позволяют предполагать, что здесь мы имеем дело с авторским неологизмом. В основу номинации могло лечь диалектное курское «балдыкать» — «болтать, калякать, беседовать» (Даль I, с. 43) + суффикс -ай (как в ИС Коптяй, Лупай, Незамай, Полежай, Помыргай, Почетай, Ширяй³⁰) или же известное ныне по принадлежности к уголовному жаргону «балдох» — «солнце». Не исключено также,

²⁹ См. Ю.А. Федосюк, *Русские фамилии. Популярный этимологический словарь*, Флинта, Наука, Москва 2011, с. 80.

³⁰ См.: И. А. Кюршуннова, *Словарь некалендарных личных имен...*, с. 27–28.

что при образовании слова могла иметь место контаминация: «балда/малахай», тем более что мирское имя Балда известно не только по сказке Пушкина, но и по многим старым документам³¹. В говорах «балда» имеет разные значения: «долговязый и неуклюжий дурень», «бестолковый, малоумный», «сплетник, баламут» (Даль I, с. 43). Второй элемент словосложения -хай мог быть воспринят из тюркизма «малахай» — « меховая шапка с наушниками»: «заимств. из монг. *mala gai* ‘шапка’, [...] откуда и тат. *Malaxai*»³².

Проанализированные выше названия — это лишь часть опричной когорты, состоящей из 38 человек. Нетрудно заметить, что имена опричников в повести Сорокина — это очевидный анахронизм, на самом деле служивые люди Ивана Грозного назывались с использованием двух- или трехчленной системы именования (ср.: Алексеев Илюша, Булыгин Илья, Данилов Иван, Кабардеев Гриша, Безобразов Михайлов Игнатъев сын, Болотников Дмитрий Данилов сын, Булгаков Борис Посников сын, Колычов Игнатей Федоров сын³³). Предложенное Сорокиным смещение временных пластов позволяет подчеркнуть глубину «закоренения» замкнутой группы персонажей-опричников в истории. Сама же модель утрированного — слишком архаического — именования героев подтолкнет читателя к их восприятию как представителей не столько хронологически отдаленного, сколько не окультуренного христианством прошлого. Эти имена являют собой что-то вроде наглядного свидетельства первобытной дикости своих носителей.

Кроме того, применение автором одночленной модели имятворчества оправдывается еще и тем, что за счет простой формы и устаревшего звучания имени опричников выделяются на фоне имен знати и остальных героев повести, которые чаще всего называются двухчленно или трехчленно (по имени и отчеству; по имени, отчеству и фамилии; по имени и фамилии).

В переводе на польский язык имена опричников транскрибируются или транслитируются, лишь об отдельных из них — причисляемых к значимым — можно с оговоркой сказать, что

³¹ См. там же.

³² См.: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. II, Прогресс, Москва 1986, с. 562.

³³ *Рукописные памятники*, вып.: 7: *Список опричников Ивана Грозного 1573 год*, Российская Национальная Библиотека, Санкт-Петербург 2003.

ОНОМАСТИКОН ПРОИЗВЕДЕНИЙ...

они к тому же и переводятся (ср.: Авила — *Awila*, Балдохай — *Bałdochaj*, Бубен — *Bubien*, Валуи — *Wałuj*, Вареный — *Warionuj*, Вогул — *Woguł*, Воск — *Wosk*, Елка — *Jolka*, Ероха — *Jerocha*, Зверог — *Zwierog*, Зябель — *Ziabel*, Игла — *Igła*, Комол — *Komoł*, Комяга — *Komiaga*, Крепло — *Kriepło*, Масло — *Masło*, Мокрый — *Mokry*, Мосол — *Mosoł*, Нагул — *Naguł*, Нечай — *Nieczaj*, Обдул — *Obduł*, Охлоп — *Ochłop*, Погода — *Pogoda*, Посоха — *Posocho*, Потроха — *Potrocha*, Потыка — *Potyka*, Поярок — *Pojarok*, Правда — *Prawda*, Самося — *Samosia*, Свирид — *Swirid*, Серый — *Szary*, Сиволяй — *Siwołaj*, Стерна — *Stierna*, Тягло — *Tiągło*, Хруль — *Chrul*, Чапыж — *Czerpiga*, Шелет — *Szelet*).

В восприятии польского читателя такие антропонимы интерпретируются скорее не как имена, соотносимые со старыми именными формами, когда-то употреблявшимися на Руси, но как прозвища, напоминающие клички представителей преступного мира. Таким образом, маркировка исторической отнесенности, заложенная в имена персонажей и понятная русскому читателю, многими поляками будет нераспознаваема.

Представленным материалом из двух групп «исторических» антропонимов ономастикон повести Сорокина, конечно же, не исчерпывается. В повести действует не менее многочисленная группа персонажей, соотносимых с российской современностью, прежде всего областью культуры. Их имена построены по принципу языкового камуфляжа — с искажением реальных именований, применением игры слов (Иродиада Денюжкина — Ирина Денежкина, Дарья Адашкова — Дарья Донцова и Полина Дашкова, Павел Олегов — Олег Павлов, Хапенский — Константин Хабенский, Михаил Швеллер — Михаил Веллер, Данилков — Лев Данилкин, Мишаня Кавычки — Михаил Котомин). Такого рода ономастический материал — как переполненный разнообразными подтекстами, распознаваемыми не всеми российскими читателями и практически неуловимыми для иностранца — заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения.

Продемонстрированный материал показывает, что каждую представленную в произведении социальную группу персонажей характеризует своя ономастическая модель, выделяющая ее на фоне остальных антропонимов. Отнесенность имен к определенному историческому периоду, их наполненность социальными и культурными подтекстами предопределяет семантическую многомерность онимов, которые у отечественно-

го читателя способны вызвать множество ассоциаций, а, может быть, стать для него загадкой — и разгадать ее он должен сам, иногда с опорой на данные автором подсказки. Таким образом, даже ономастикон произведения показывает, что повесть Сорокина, хотя и предназначена для широкого общественного круга, прежде всего рассчитана на российского читателя-эрудита.

Положение же иностранного читателя, желающего разобраться в тонкостях произведения, многократно усложняется. Даже такая, казалось бы, небольшая составная текста как ономастикон настолько прочно «сидит» в российской истории и современности, что не поддается верному осмыслению без обширных фоновых знаний.

Взятая на вооружение переводчицей стратегия традиционной передачи имен собственных не дает возможности выявления всей гаммы заложенных автором аллюзий. Наверное, чтобы такие намеки были понятны читателю, следовало бы поместить соответствующий комментарий, но переводчица обращается к такому разъяснению лишь несколько раз, чаще в продолжении произведения — *Сахарном Кремле*. Впрочем, такого рода пояснения с расширенным подстрочным комментарием не являются, конечно, оптимальным путем решения проблемы, но ничего лучшего переводческая практика пока предложить не может.

Подводя итог нашим наблюдениям, заметим, что существующие стандарты переводческой трактовки ономастического материала не дают возможности справиться с адекватной передачей многослойного, богатого ассоциациями имятворчества авторов постмодернистских произведений.

Anna Paluch

ONOMASTYKON ROSYJSKICH UTWORÓW POSMODERNISTYCZNYCH
JAKO PRZEJAW NIEPRZEKŁADALNOŚCI W TŁUMACZENIU
(NA MATERIALE OPowieści WŁADIMIRA SOROKINA *DZIEŃ OPRYCZNIKA*)

Streszczenie

W artykule zostały przedstawione asocjatywne charakterystyki antroponimów nawiązujących w opowieści Władimira Sorokina *Dzień oprycznika* do historii Rosji. Narodowy charakter tych nazw oraz ukryte w nich podteksty i aluzje czytelne dla rosyjskich odbiorców stanowią dla tłumaczy istotną przeszkodę ograniczającą pełny przekaz wielowarstwowych treści nazw tej kategorii. Brak odpowiednich strategii przekładu nazw znaczących w literaturze postmodernistycznej pozwala-

ОНОМАСТИКОН ПРОИЗВЕДЕНИЙ...

la zakwalifikować wyekscerpowany materiał onomastyczny do kategorii nieprzekładalności.

Anna Paluch

ONOMASTICS OF RUSSIAN POSTMODERN LITERATURE
AS AN EXAMPLE OF UNTRANSLATABILITY
(BASED ON THE NOVEL BY VLADIMIR SOROKIN *DAY OF OPRICHNIK*)

Summary

The article presents associative characteristics of anthroponyms selected from Vladimir Sorokin's novel *Day of Oprichnik* and referring to Russian history. The national character of these names as well as their implicit meaning and hidden allusions easily recognizable to Russian readers are a major obstacle for translators which does not allow them to carry all associations of multilayer names into the translated text. In translation practice, there is no adequate strategy for translating such a category of names and certain significant components of a postmodern text. For that reason these anthroponyms can be classified as "untranslatable in translation".